

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ:
«КИТАЙ И РОССИЯ: ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»¹**

Проект нацелен на историко-сравнительное исследование идеологии национализма в Китае и России в XVIII – начале XX века. Выявление характерных тенденций в зарождении и развитии идеологии национализма в Китае и России, в формировании комплекса патриотических националистических теорий, возникших вследствие контактов с западным миром и принявших черты своеобразного традиционализма в теориях государственного и общественного строя, а также в народных движениях. Анализ исторически сложившихся реакций российской и китайской культур на экспансию западноевропейской цивилизации, выявление как типологически схожих форм историко-культурного синтеза, так и отличий в восприятии и оценке западноевропейской культуры в Китае и России. Анализ не только исторических проявлений таких реакций, но и конкретных идеологических концепций. Реконструкция исторических моделей формирования националистических идеологий. Исторические события и идеологические конструкции в их взаимной обусловленности. Целью проекта является проведение комплексного междисциплинарного исследования по изучению генезиса и развития национальных идеологий в Китае и России с привлечением специалистов в различных областях знания: истории, философии, политологии, компаративистики.

Проведение комплексных, междисциплинарных научно-исследовательских работ в ходе выполнения проекта позволит осуществить широкие сравнительно-исторические (история, идеология, культура, философия, социально-политическая мысль) исследования разнообразных форм национальной идеологии в России и Китае. Впервые будет проводиться не изолированное изучение истории национальных идеологий в Ки-

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда, грант № 15-03-00224а, руководитель проекта – доктор исторических наук, профессор С.Н. Погодин.

тае и России, а в компаративистском ключе, с привлечением широкого круга источников и материалов для сравнения, что даст возможность проследить общие формы и тенденции в формировании национальных идеологий. Национальные идеологии в условиях агрессивного воздействия массовой западной культуры имеют свою специфику. Обращение к культурно-историческим и этническим традициям является своеобразной реакцией, способом противостоять унифицирующему воздействию массовой культуры и размыванию структур идентичности современного человека. Не случайно в течение XX века появились различные версии традиционалистских учений, в рамках которых национальные идеологии находят свое философское обоснование. Национальные идеологии являются своеобразной реакцией на процессы модернизации, происходящие в России и Китае, тем важнее изучение истоков этих идеологий, их генезиса и развития. Национальные идеологии позволяют согласовать необходимость модернизационных процессов с сохранением традиционных основополагающих культурных констант и ценностей.

Конкретные задачи проекта следующие: дать анализ существующим понятиям и концепциям идеологии; рассмотреть историческую динамику развития России и Китая в связи с процессами модернизации в этих странах, вызванных соприкосновением с западноевропейской цивилизацией; изучить процессы формирования национальных идеологий в Европе, а также их специфику в условиях глобализации; проанализировать реакцию западноевропейского общества и культуры на национальные идеологии в России и Китае; сопоставить нововведения западной системы с традиционной местной культурой управления и жизнедеятельности, провести сравнительный анализ выявленных особенностей, установить те изменения, на которые российское и китайское общество реагировало наиболее остро, а также выявить источники тенденции к изоляционизму; обозначить типы националистических учений в соответствии с источником, целью, сферой распространения и методикой применения теории, выделить основные термины и понятия, которыми оперировали представители этих типов; сформулировать определение термина «нация» и его аналогов применительно к каждому типу, проанализировать причины различной интерпретации этого термина и практическое значение таких различий; проследить эволюцию теоретической мысли националистического толка, проанализировать попытки практического

применения этих теорий в каждой стране, а также охарактеризовать влияние националистических теорий на современное устройство государства и общества; проследить тенденции того культурно-исторического синтеза, который происходит в Китае, процессов модернизации в России и Китае и их возможных последствий.

В мировой науке существует несколько подходов в определении и понимании идеологии (Маркс, Мангейм, Парето, Гирц, Лоррейн, Кендалл, Джеймсон, Томпсон, Рикёр, Иглтон, Альтюссер, Жижек, Бауман и др.). Условно их можно разделить на: марксистский, социологический, структурно-семиотический, герменевтический. Многообразие интерпретаций «идеологии» делает это понятие достаточно «размытым» с методологической точки зрения. В тоже время обращение к конкретному историческому материалу, сравнительно-исторический анализ независимо протекавших исторических процессов в России и Китае на протяжении почти двух столетий позволяет уточнить генезис, развитие и формы проявления такого исторического явления как «национальная идеология». В идеологии аккумулируются аспекты видения, точки зрения, присущие определенным коллективам, позволяющие реконструировать структуры социально-исторического бытия. Исторически идеология проявляется именно как национальная идеология, когда ослабевает влияние традиции на политическую и культурную жизнь общества, когда культура начинает освобождаться от традиционных форм мировоззрения или эти формы ставятся под сомнение в результате воздействия со стороны иной культурной традиции. Национальная идеология формируется в качестве замены ослабевающих форм традиционной морали, религии, признанных философских учений. Национальная идеология выступает одним из фундаментальных механизмов социокультурной интеграции. Проявляясь в виде символов, многообразных структур контроля и поведенческих моделей, национальная идеология претендует на право истолковывать прошлое, настоящее и будущее народа. В ситуации ослабления или размывания традиционных культурных ценностей идеология берет на себя роль осмысления, символической разметки изменяющегося культурного пространства. Рождение национальных идеологий во многом связано с конкретными историческими событиями, но сформировавшаяся идеология сама становится одним из факторов исторического процесса. Несмотря на самобытность и

самостоятельность исторических процессов в России, Европе и Китае, становление национальной идеологии в этих странах в XVIII – начале XX века во многом было вызвано взаимовлиянием культур. Для России и Китая это, прежде всего, влияние западноевропейской культуры. Процессы формирования национальной идеологии в Европе, России и Китае проходили независимо друг от друга, но при этом имели как общие типологические черты, так и отличия. Столкновение с западноевропейской цивилизацией привело к появлению двух тенденций в идеологическом осмыслении происходящих изменений, которые с известной долей условности можно обозначить уже достаточно привычными наименованиями как «западничество» и «самобытничество» или «традиционализм». В тоже время крайне интересным является вопрос об отношении европейцев как к традиционной, так и к модернизирующейся формам русской и китайской культуры. В рамках подробного изучения идеологии национализма в Китае и России научная новизна и практическая значимость предполагаемого исследования определяется привлечением большого объема новых документальных материалов, связанных с эволюцией как китайских, так и российских учений, по-новому освещающих не только китайскую общественно-политическую мысль второй половины XIX – начала XX вв., но и развитие отечественной мысли консервативно-традиционалистского направления.

Активное освоение западноевропейской культуры в России началось в результате реформ начала XVIII в. Однако уже со второй половины XVIII в. начитается критика европеизма, набирающая силу в рамках так называемого «просвещенного национализма» (Екатерина II, И.Н. Болтин, М.М. Щербатов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, П.А. Плавильщиков и др.), ищущего самобытных исторических, культурных и философских начал. Критический анализ европейских нравов приводил российских мыслителей к осмыслению значения нравов в истории и культуре вообще, а от них – к постановке вопроса о русском национальном характере. Смысловым итогом XVIII в. в России становится формирование национального сознания, сила которого в полной мере проявилась во время Отечественной войны 1812 г. [15; 6; 7; 16]. В XIX – начале XX в. национальная идеология была представлена в различных формах традиционализма, консерватизма, славянофильства, почвенничества, евразийства, явно или неявно оппониро-

вавших официальному западничеству». В это время разрабатывали свои концепции такие во многом не похожие друг на друга мыслители, как А.С. Шишков, митр. Филарет (Дроздов), С.С. Уваров, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, евразийцы и др. [8; 9; 11, с. 56–57; 10, с. 3–71; 17]. Тем не менее, в отечественной науке тема китайского национализма пока что остаётся на периферии исследований. Вопросы формирования китайского этноса рассмотрены в серии работ М.В. Крюкова, М.В. Софронова и др. «Этническая история китайцев с древнейших времен до XX века» [18]. Формирование и особенности национального характера китайцев рассмотрены также в работах М.Е. Кравцовой [3] и В.В. Малявина [12]. В работах Ю.Л. Кроля [4] и А.С. Мартынова [13] рассмотрены традиции взаимоотношений китайцев с сопредельными государствами. Очерк истории национализма в Китае приведён в энциклопедии «Духовная культура Китая» [1]. Более детально эта тема разработана в монографии А.А. Москалева [14]. В этой книге автор рассматривает историю китайского национализма с конца XIX в. по начало XXI в. Среди несомненных плюсов этой работы – использование значительного количества оригинальных источников, в роли которых выступают сочинения китайских мыслителей, политических деятелей, партийных идеологов, исследователей – Лян Цичао, Сунь Ятсена, Ван Цзинвэя, Дай Цзитао, Цзян Чжунчжэна (Чан Кайши), Мао Цзэдуна, Фэй Сяотуна и др. Современное состояние проблемы национализма в Китае рассмотрено в монографии А. М. Кузнецова [5]. Акцент в этой работе сделан на этнонациональной политике Китая и КНР в XX–XXI вв., а также на формировании и развитии национального этнополитического дискурса в Китае.

Китайские работы по этой теме многочисленны, но при этом не представляют особого интереса в силу слабости методологии и, как следствие, анализа. Тем не менее, стоит отметить работы по «Истории китайской нации» (中国民族史) Ван Тунлина 王桐龄 (吉林出版集团有限责任公司, 2010) и Люй Сымяня 吕思勉 (岳麓书社, 2013), а также аналитическую работу Чжэн Юннэня 郑永年 «Возрождение китайского национализма: Куда движется национальное государство?» (中国民族主义的复兴——

民族国家向何处去？三联书店香港有限公司，1998)。 Значительно лучше исследована данная тема в европейской и, особенно, американской науке. Среди общих работ следует выделить монографию К. Р. Хьюджеса «Chinese Nationalism in a Global Era» (Routledge, 2006), в которой проанализировано противоречие между национализмом и процессами глобализации в Китае в период с конца 70-х гг. XX в. и до наших дней, а также коллективные монографии: «China's Quest for National Identity» (Cornell University Press, 1993) под редакцией Л. Диттмера (Lowell Dittmer) и С.С. Кима (Samuel S. Kim) и «Chinese Nationalism in Perspective: Historical and Recent Cases» (Praeger, 2001) под редакцией Дж. Вэя (George Wei) и Лю Сяюаня (Xiaoyuan Liu). Особенности развития национализма в современном Китае в связи с его имперским прошлым придаётся особое внимание в работе Чжао Суй-шэна (Suisheng Zhao) «A Nation-State by Construction: Dynamics of Modern Chinese Nationalism» (Stanford University Press, 2004). Культурный аспект проблемы исследует Го Инцзе (Yingjie Guo) в своей работе «Cultural Nationalism in Contemporary China: The Search for National Identity Under Reform» (Routledge/Curzon, 2003). С интересной точки зрения рассмотрен китайский национализм в работе Чжэн Юннэня (Yongnian Zheng) «Discovering Chinese Nationalism in China: Modernization, Identity, and International Relations» (Cambridge University Press, 1999): этот автор делает акцент не столько на сам феномен возрождения национального самосознания китайцев, сколько на его восприятие западом. Влияние иностранного (в первую очередь, европейского) национализма на развитие национализма китайского проанализировано в работе Дж. Лейболда (James Leibold) «Reconfiguring Chinese Nationalism: How the Qing Frontier and Its Indigenous Became Chinese» (Palgrave MacMillan, 2007). Проблемы же современного китайского национализма в связи с международными отношениями рассматривается в работах Саймона Шэня (Simon Shen) «Redefining Nationalism in Modern China: Sino-American Relations and the Emergence of Chinese Public Opinion in the 21st Century» (Palgrave MacMillan, 2007) и Пола Эшенхагена (Paul Eschenhagen) «Nationalism in China - Implications for Chinese International Relations» (Grin Verlag, 2007). Для сравнения национализма в Китае и России также важна книга «Creating a Chinese Harbin: Nationalism in an International City, 1916–1932» (Cornell University Press, 2002) Дж. Х. Картера (James Hugh Carter), посвящённая само-

му «русскому» городу Китая. Близка монография Елены Барabanцевой (Elena Barabantseva) «Overseas Chinese, Ethnic Minorities and Nationalism: De-centering China» (Routledge, 2010). Также в этнорегиональном аспекте вопрос исследован в коллективной монографии «Nationalism and Ethnoregional Identities in China» (Frank Cass Publishers, 1998) под редакцией В. Сафрана (William Safran). Влияние современных технологий на национальную идентичность китайцев исследовано в работе У Сюя (Xu Wu) «Chinese Cyber Nationalism: Evolution, Characteristics, and Implications» (Lexington Books, 2007). Среди множества англоязычных работ, посвящённых национализму на Тайване стоит выделить монографию Сяо Э-цзина (A-Chin Hsiau) «Contemporary Taiwanese Cultural Nationalism» (Routledge, 2000), а также коллективную монографию «Cultural, Ethnic, and Political Nationalism in Contemporary Taiwan: Bentuhua» (Palgrave MacMillan, 2005) под редакцией Дж. Мэйхема (John Makeham) и Сяо Э-цзина (A-Chin Hsiau).

Для решения поставленных исследовательских задач предлагается проведение комплексного междисциплинарного обсуждения проблем генезиса и развития национальных идеологий в Европе, Китае и России с привлечением специалистов в различных областях знания: истории, философии, политологии, компаративистики; выявление характерных тенденций в зарождении и развитии идеологии национализма в Китае и России, в формировании комплекса патриотических националистических теорий, возникших вследствие контактов с западным миром и принявших черты своеобразного традиционализма в теориях государственного и общественного строя, а также в народных движениях; анализ исторически сложившихся реакций российской и китайской культур на экспансию западноевропейской цивилизации, выявление как типологически схожих форм историко-культурного синтеза, так и отличий в восприятии и оценке западноевропейской культуры в Китае и России; анализ не только исторических проявлений таких реакций, но и конкретных идеологических концепций; реконструкция исторических моделей формирования националистических идеологий в Европе, России и Китае.

Несмотря на самобытность и самостоятельность исторического процесса в России и Китае, становление национальной идеологии в этих странах в XVIII – начале XX века во многом было вызвано влиянием западноевропейской культуры. Процессы формирования национальной идеологии в России

и Китае проходили независимо друг от друга, но при этом имели как общие типологические черты, так и отличия. Обращение к западноевропейской культуре как в России в XVIII в., так и в Китае в XIX в. было вызвано необходимостью военно-технической модернизации страны. Однако обращение к историческому опыту западных стран не привело в Китае к радикальной переоценке традиционных ценностей и не подорвало убеждение в безусловном превосходстве конфуцианских социально-политических институтов. Все теоретики и практики «движения усвоения заморских дел» (Вэй Юань, Фэн Гуйфэн, Сюе Фучэн, Го Сунтао, Чжан Цзыму, Ван Чжичунь, Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан, Ли Хунчжан и др.) исходили из того, что «если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет», что «китайское учение – основное; западное учение – прикладное» (концепция «Ти – юн»), что «корень всех наук западных стран покоится на китайских началах» и что европейцы лишь усовершенствовали то, что в свое время было изобретено в Китае [2, с. 222–223].

Подобные убеждения были следствием процесса складывания единой китайской нации и культуры, продолжавшемся на протяжении практически всей известной истории Китая. Представления о своей уникальности заметны уже в эпоху правления первой китайской династии Шан-Инь 商殷 (XVII–XI вв. до н. э.): свою столицу шанцы помещают в центр мира, а все прочие народности воспринимают как «варваров», годящихся только на то, чтобы поставлять дань, помогать в войне с другими варварами и служить объектами жертвоприношений. Их этноцентризм во многом был обусловлен религией, во главе которого стоял покровительствовавший им Высший владыка (шанди 上帝); именно монополия на общение с ним (при посредстве обожествлённых предков) давала им право на власть над всеми прочими племенами. Сменившая шанцев народность чжоу 周, основавшая одноимённое государство (XI–III вв. до н. э.), изначально являлась одним из «варварских» племён шанской периферии. Именно этим фактом можно объяснить значительный «космополитизм» чжоусцев, их стремление объединить прочие племена (многие из которых помогали им в свержении династии Шан) в единую общность. На смену племенному божеству шан-ди они приносят идею общего для всех народ-

ностей Неба (тянь 天), которое и дало династии Чжоу право на царствование, свой «мандат» или, точнее, «повеление» (мин 命). Соответственно, в отличие от своих предшественников, чжоусцы начинают рассматривать в качестве «своего» государства не только метрополию, но и зависимые от неё земли (зачастую населённые иными народностями), получившие статус удельных царств. Кроме того, они заимствуют все важнейшие достижения шанской культуры (в первую очередь, письменность), тем самым показывая собственную культурную состоятельность. Стремясь избавиться от клейма «варваров» они серьёзно переосмыслиют это понятие: в качестве «варваров» начинают восприниматься не столько иноэтнические, сколько инокультурные народности; в то же время, все те, кто принимал одобренные традицией нормы, мыслились как чжуся 諸夏, – «все Ся», т.е. потомки легендарной династии Ся, правившей, согласно традиции в XXIII – XVIII вв. до н.э. и заложившей основы китайской государственности и культуры.

Проблема взаимоотношений «китайцев» и варваров начинается в период развития китайской теоретической мысли – в эпохи Чуньцю 春秋 (Весны и осени, VIII–V вв. до н. э.) и в особенности Чжаньго 戰國 (Воюющих царств, V–III вв. до н. э.). Варвары, по мнению мыслителей того времени, обладали «сердцами птиц и зверей», т. е., несмотря на внешнее сходство, не были людьми в полном смысле этого слова. В то же время, за ними признаётся право принять китайскую культуру и тем самым стать полноценными людьми. Эта двойственность в отношении к варварам видна уже у Конфуция (Кун-цзы 孔子, 551–479 гг. до н. э.), который, с одной стороны, считал, что «у варваров при государе хуже, чем в китайских землях без него», но с другой – допускал возможность их преобразования под благотворным влиянием высокоморальной личности из китайцев: «Учитель хотел уйти жить к восточным варварам. Кто-то воскликнул: "Как же Вы сможете там жить? Они ведь так грубы!" Учитель ответил: "Какая грубость может быть там, где благородный муж?"»

Ключевой этап в истории формирования китайского этноса – время правления династии Хань 漢 (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), вновь объеди-

нившей Китай после недолгого правления династии Цинь 秦 (221–207 гг. до н. э.). За четыре сотни лет её правления население Китая, до того состоявшее из жителей отдельных царств, зачастую сохранявших этническую самобытность, а также варваров, многие из которых кочевали по территории будущей империи, «переплавляется» в единую народность. Не случайно самоназвание этнических китайцев – хань жэнь 漢人 – в дословном переводе обозначает «люди [династии] Хань».

Окончательно сложение китайской нации завершается при династии Тан 唐 (618–907 гг.), когда к Китаю окончательно присоединяются южные регионы, а живущие там народности тоже становятся китайцами. Этот процесс также получил отражение в языке: жители южных провинций современного Китая нередко называют себя тан жэнь 唐人, т. е. «люди [династии] Тан», а знаменитые чайнатауны, основанные преимущественно выходцами из этих районов страны, по-китайски называются тан жэнь цзе 唐人街, т.е. «улицы людей [династии] Тан». С другой стороны, время правления династии Тан стало периодом активного развития международных отношений, что позволило Китаю познакомиться с чужеземной культурой, которая, с одной стороны, манила китайцев своей экзотичностью, но с другой – позволяла лучше определить границы собственной традиции. Ко времени столкновения с Западом, китайская цивилизация обладала достаточно надежным механизмом сохранения национально-культурной идентичности. Это хорошо видно в ряде документов, появившихся в последней трети XIX в.: «Решении об отборе детей и внуков для отправки за океан для обучения ремеслам» Цзэн Гофаня (август 1871 г.), и «Детально разработанном плане морской обороны» Ли Хунчжана (10 декабря 1874 г.). В них предпринимается осмысление достижений и ценностей Запада, обосновывается идея необходимости «изучения технических достижений варваров, чтобы использовать их для обуздания самих варваров» («ши и чанцзи и чжи и»), а также «смены закона-стиля» («бяньфа») (один из вариантов значения – «реформа») для строительства сильного и богатого Китая. Осмысление происходящих изменений требовало и переинтерпретации прежних понятий для передачи значения новых категорий западноевропейской мысли. В итоге в 1872–1875 гг. несколько

групп отобранных в прибрежных провинциях китайских «люсюешэн» были отправлены для обучения в США за счет казны [2, с. 222–223]. Правда, уже в 1881 г. они были отозваны в Китай из-за опасений попасть под обаяние чужой культуры. Однако процесс военно-технической модернизации Китая, заимствования необходимых технических достижений, а вместе с ними и ценностей Запада начался. Процесс культурно-исторического синтеза традиционных китайских ценностей с западными продолжается и далеко не все его последствия проявились еще в полной мере. Все это вновь сделало актуальным вопрос о единстве китайской нации и ее сознании. Первым о необходимости создания единой китайской нации (чжунхуа гоминь 中華民國) заговорил один из виднейших китайских мыслителей рубежа XIX – XX вв. Лян Ци-чао 梁啟超 (1873–1929). По его мнению, представления о нации в Китае отсутствуют в принципе; китайцы мыслят себя не жителями одной страны, не гражданами одного государства, но членами различных родственных кланов. Этим и обусловлена, по мысли Лян Ци-чао, слабость китайского народа; только сплотившись в единую нацию, сможет он обрести силу. В то же время, говоря о китайской нации, мыслитель имеет в виду только ханьцев. Прочие же населяющие Китай народности обречены были, по его мнению, стать бесправным «структурным компонентом» китайской нации и впоследствии быть ассимилированными ханьцами. Сунь Ят-сен также уделял внимание вопросу создания в Китае единой нации, однако говорил он не столько о политической, сколько об этнической нации (миньцзу). Его позиция по данному вопросу неоднократно менялась. Изначально он считал, что Китай должен стать моноэтническим, т. е. исключительно ханьским, государством, а все остальные этносы должны быть ассимилированы. Позже он выступил с идеей создания единой китайской нации (чжунхуа миньцзу 中華民族), которая должна была возникнуть в результате «переплавки» всех народов Китая, включая ханьцев (в противоположность односторонней ассимиляции). Впрочем, позже он вернулся к идее ассимиляции неких китайских народностей ханьцами и решил попросту «переименовать ханьцев в чжунхуа миньцзу». Через некоторое время он выдвинул понятие государственной нации (гоцзу 國族), под которой опять-таки подразумева-

лись ханьцы как исконные носители китайской государственности. Предельно этноцентричная позиция Сунь Ят-сена после его смерти была смягчена его последователями. В резолюции III съезда Китайского Гоминьдана (1929) термин гоцзу трактуется уже как «тесное единение» национальностей «большой пятерки» — ханьцев, маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев, а в проекте конституции Китайской Республики (1936–1937) утверждалось, что «все национальности Китайской Республики, являясь структурными компонентами китайской государственной нации (чжунхуа гоцзу 中華國族), равноправны». Схожей позиции придерживался и Чан Кай-ши, который утверждал, что в Китае существует только одна нация — китайская (чжунхуа миньцзу), состоящая из множества этносов. В идеологии нынешней КНР воплощена схожая система: 55 национальностей-миньцзу понимаются как составляющие единого супер-этноса, нации чжунхуа миньцзу. Научное исследование идеологии национализма в Китае подразумевает изучение формирования, эволюции и плодов поиска национальной идеи в китайском обществе кризисного периода – Опиумных войн, падения династии Цин, Синьхайской революции. Необходимо выделить те течения и учения в Китае второй половины XIX века, которые могут быть признаны националистическими по своим целям, истокам и методам, а также определить основные группы этих учений для последующего сравнительного анализа с российскими представителями националистической идеологии.

Важной частью исследования является определение понятий «нации», «народа», «государства» и «национализма» в традиционной китайской философии и эволюция этих понятий под влиянием западной философии. Процесс усвоения западных ценностей принял в России иной характер, чем в Китае. Обольщение западной культурой имело для России во многом разрушительный характер, в том числе и из-за слабости традиционной культуры и специфики ассимиляционных процессов в России, хотя и позволило модернизировать страну. Различие путей исторического развития России и Китая очевидно, чего не скажешь об идеологических конструкциях, обнаруживающих (при всем содержательном отличии) общие типологические черты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Духовная культура Китая. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009.
2. **Корсун В.А.** «Самоусиление» – опыт первой модернизации в Китае // XXV междунар. конф. «Источниковедение и историография стран Азии и Африки «востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» 22–24 апр. 2009. СПб., URL: <http://mir.spbu.ru/docs/proj/zelenev/07.pdf>. (дата обращения 15.04.2015)
3. **Кравцова М.Е.** История культуры Китая. СПб., 1999.
4. **Кроль Ю.Л.** Страны и народы Востока. Выпуск XXXII: Дальний Восток. Книга 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу : Исследования и переводы / сб. ст. памяти В.В. Петрова. Отв. редакторы Ю.Л. Кроль, М.Ф. Чигринский. М., 2005.
5. **Кузнецов А.М.** Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010.
6. **Малинов А.В.** «Школьная» философия в культуре русского просвещения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. Вып. 2. С. 98-105;
7. **Малинов А.В.** История русской философии. XVIII век. СПб., 2012. С. 18–21;
8. **Малинов А.В., Прохоренко А.В.** Философия истории в России. Материалы к лекционному курсу. СПб., 2010;
9. **Малинов А.В.** Философия и методология истории в России. СПб., 2015.
10. **Малинов А.В.** Русская философия: исследования, история, историография. СПб., 2013. С. 3–71;
11. **Малинов А.В.** Академическое славянофильство В.И. Ламанского // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2012. Вып. 12. С. 56–65;
12. **Малявин В.В.** Китайская цивилизация. М., 2001.
13. **Мартынов А.С.** Статус Тибета в XVII - XVIII веках. М., 1978.
14. **Москалев А.А.** Нация и национализм в Китае. Эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005.
15. **Стенник Ю.В.** Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004;
16. **Троицкий С.А.** Процесс национальной самоидентификации в России XVIII в. и становление краеведения // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2010. Вып. 21. С. 94-108.
17. **Тяпин И.Н.** Философско-исторические идеи российского консерватизма XIX – начала XX в. Вологда, 2008.
18. Этническая история китайцев с древнейших времен до XX века. В 6-ти томах М.: Наука, 1979-1993. Том 1.; Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. 1978. Том 2; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. 1979. Том 3; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. 1983. Том 4; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII в.в.). 1984. Том 5; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. 1987. Том 6; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – нач. XX в. 1993.